

В дни ярмарок в Бийске всегда становится непривычно оживлённо: съезжаются сюда не только с соседних уездов, но и с других округов губернии. А в такие ярмарки как Крестовоздвиженская или Никольская, и из других губерний купцы-воротилы прикатывают. И тогда на узеньких и грязных улочках становится тесно и шумно. Повсюду слышатся радостные приветствия давно не видавшихся знакомых, ворчанье увязших в грязи, ругань не сумевших разъехаться возниц. На постоянных дворах не то что сесть, сапоги поставить негде. Владельцам гостиниц, доходных домов, да и всем, кто промышляет сдачей квартир, – радость. Дважды в год случается, что в городе почти не остаётся свободной ни одной комнаты. И пользуясь моментом, хозяева поднимают цену почти в два раза, а то выше. И ничего, снимают. А куда они денутся? Не под открытым же небом ночевать. Шумно и выгодно ведутся дела и в других заведениях – от харчевен до электротеатров. Всем перепадает, всем дел хватает. И всё идёт в ход.

У купца Ивана Ивановича Соломина и магазин, и две торговые лавки стоят на самых бойких местах города: на Ярмарочной и на Базарной площадях. Кроме того, у него на каждой из этих площадей по хорошему амбару. А на Базарной, при магазине, ещё и каменная кладовая. Большая. И в каждую ярмарку Иван Иванович промышляет, сдавая заезжим купцам часть амбаров и кладовой. Навар, конечно, не велик. Но добрый хозяин, каковым

и считается Иван Иванович, не то что мимо алтына, а и мимо семишника не пройдёт – нагнётся, не поленится, поднимет. Оно ведь, как капитал-то делается: там алтын щипнул, там гривенник, глядишь, и целковый в кармане к обеду, а к вечеру империял.

Как и большинство собратьев по торговле, Иван Иванович берётся за всякое дело, из которого, пусть не сразу, а в будущем, можно прибыль заиметь. На сегодня у него, помимо магазина и лавок в городе, по уездным сёлам дюжина торговых лавок; почти столько же маслодельных отделений; мельница и кузня. Кроме того, на пару с купцом Кузнецовым шерстобойку открыли. Сейчас вот, с тем же Кузнецовым, о пароходе подумывают. И два последних года караваны в Монголию водит. Одним словом, не ловит мух, и дело идёт, ширится. Но вот беда, одной пары рук на всё про всё не хватает. А верного помощника нет. Когда была жива жена, Татьяна Прокопьевна, он и забот особых в делах не ведал. Мог развезжать по отдалённым лавкам по целым неделям, и был покоен – в городе, дома, под её надзором, так же как и под его – всё в ажуре. А ежели что и случалось, то Татьяна Прокопьевна решала проблему не хуже него. Но, видимо, Богу неугодно было, чтоб они всю жизнь прошли рука об руку. Понесла Татьяна Прокопьевна первенца, да при разрешении и померла. Три года минуло с того дня, как похоронил Иван Иванович супругу, во второй раз всё никак не может решиться на женитьбу. Да, если сказать, положила руку на сердце, то и не стремился. Умом понимает, что надо, а душа-то не стремится.

В каждую ярмарку Иван Иванович большее время проводил в магазине – основной оборот. Но раз в день бывал и в лавках – в такие дни нельзя без догляда оставлять ни единого дела. И выкраивал время по площади пройти, посмотреть – кто и чем торгует, какие цены держит, как товар преподносит. Одним словом, был «ухом с глазом».

В эту Никольскую всё у него шло как всегда – спозаранку и до полуночи на ногах. Торговля шла бойко, и на третий день Иван Иванович позволил себе неспешно пройтись по рядам – прицениться, присмотреться, с друзьями-товарищами перекинуться парой слов. Снарядился, как на Пасху в церковь – выходной сюртук, до блеска начищенные сапоги, картуз с лакированным козырьком. Оглядел себя в зеркале со всех сторон и – вперёд.

По рядам шел неспешно: уделяя внимание едва ли не каждому товару. Кое-что брал, вертел в руках, придирчиво разглядывая. Не выбирал, а просто качество сравнивал – хуже или лучше, чем в его лавке? И если товар был хуже – на душе теплело, лучше – интересовался, откуда взят.

На Ярмарочной площади у одной из телег с товаром он увидел приказчика своего компаньона купца Кузнецова – Митьку Корзуна. Митька не товар выбирал, а зубоскалил с девкой. Это его одно из любимых занятий. До юбок Митька страсть какой любитель. Если какая приглянется – не отступит, пока не добьётся своего. И ведь, шельмец, страдал через это не единожды, парни били – и всё неймётся. Натура, видно, такая, а её, как известно, только могила исправит. Девка, судя по тому как копалась с товаром, – хозяйка телеги, стояла к Ивану Ивановичу спиной, лица не видно, но по фигуре девка ладная.

«Вот шельмец, – отметил Иван Иванович, – ить портит товар не какой-нибудь залежалый, бросовый, а первосортный. Покалечат когда-нибудь или вообще шарабан снесут... Не помрёт своей смертью... Жалко. По торговой части хват...».

И тут девка обернулась. Иван Иванович как увидел её в лицо, так встал, как в стену упёрся. Красавица! Иван Иванович за сорок два прожитых года красивых повидал, но такую красоту – впервой встретил: всё у неё в гармонии, всё при месте. И что характерно, как почувствовал Иван Иванович – помимо внешней красоты, от неё исходит ещё что-то такое, что притягивает, заставляет всматриваться и желать её.

Стряхнув оцепенение, Иван Иванович пошёл дальше. Но, пройдя по ряду и даже не глянув на товары, вновь вернулся к телеге. Митька продолжал зубоскалить и, лихо заломив картуз, навалился боком на телегу. Казачка не жаловала Митьку вниманием, но изредка бросала на него взгляд и улыбалась. Ивану Ивановичу почему-то это не понравилось. Он нахмурился и прошёл мимо. На душе сделалось как-то муторно. И делами заниматься стало неважно. Пожурив в магазине служащих, Иван Иванович ушёл домой, принял там наливочки яблочной – не помогло. И сам дом показался ему каким-то неудобным, холодным, сиротливым.

Куда бы Иван Иванович ни пошёл, за какое бы дело ни принялся – все мысли о казачке с ярмарки. Наваждение какое-то! Запала в голову – не вышибешь.

«Ну, да, красивая, и что теперь? – злился Иван Иванович. – Много их, красивых, по свету-то белому. На всех и глаз не хватит».

Но поделать ничего не мог – не выходила казачка из головы. Видно, есть в ней что-то кроме красоты ещё. И это «ещё» – особенное. А может, ничего, просто для здорового мужика сказались два года одиночества? Бог его знает! Но, так или иначе, а зацепила казачка за душу.

С большим нетерпением дождавшись следующего дня, Иван Иванович, изменив многолетней привычке, из дома пошёл не в магазин, а сразу на Ярмарочную площадь. Хотелось ещё раз увидеть чернобровую красавицу.

Телега стояла на том же самом месте. Но девушки не было. Вместо неё товар раскладывали два пожилых казака. Иван Иванович обошёл несколько рядов и снова пошёл к казакам. Один из казаков куда-то ушёл, а оставшийся, свесив с телеги ноги, задумчиво попыхивал самосадом. Товара у казаков было не много: тощенький тюк льняного холста, столько же ситца, пара жбанов мёда, козлиные шкуры да пара опойковых сапог.

Иван Иванович подошел к телеге и сделал вид, что рассматривает товар. Казак и глазом не повёл.

«Хреновый ты, братец, сбытчик, – отметил про себя Иван Иванович, – ежели за покупателя не хватаешься».

– Откуда будешь-то, станичник? – спросил Иван Иванович.

– Из Антоньевской.

– Как товар? Идёт?

Казак лениво глянул на него.

– Слава Богу, почитай, ушло три воза... Вот остатки... Бог даст, ноне растолкаем, и до хаты...

Иван Ивановича столь быстрый отъезд казаков не устраивал, и от досады, что, возможно, не успеет увидеть девушку, он аж кхыкнул. И тут же смекнул, что станицу, откуда она, уже знает. Осталось узнать, чья она дочь. И чтобы это выведать, он стал «заходить» издалёка.

– Как эт ты один с трёх возов торговал?

– Пашто один-то? Нет. С братом я, Семёном... Сыны его нам помогали и дочь...

– Иван Иванович, никак приглядел себе товару? – широко улыбаясь, подошёл Митька Корзун.

Иван Иванович дёрнулся, ровно как увидел в своём курятнике хорька.

– Да... Приглядел, – многозначительно произнёс он.

– Такого добра, – кивнул Митька на воз, – в твоих лавка с избытком навалено. – И прищурился, заговорщически прошептал – Иль ты за другим товаром пришёл?

Иван Ивановичу как пятки подпалили.

«Вот змей сметливый, – раздосадовался он, – как насквозь всё видит».

Но внешне смущения постарался не выдать. Митька, видно, смекнул, что смутил кушца и повёл разговор в другую сторону.

– А я жду тебя в магазине по делу от Разумника Ивановича, а тебя всё нет и нет. Думаю, уж не прихворнул ли часом Иван Иванович? А ты, оказывается, по рядам в неурочный час... К чему бы?

Иван Иванович, опасаясь как бы Митька ещё чего не ляпнул лишнего при казаке, заспешил от телеги.

– По какому делу-то послан? – спросил он Митьку.

А тот как будто не слышал вопроса, продолжал своё:

– А я ить, Иван Иванович, ещё вчера приметил, как ты на казачку-то пялился.

Иван Иванович озлился:

– Уж больно ты приметлив! Выкладывай, с чем послан, нечего зазря языком молотить.

Митька сделал удивлённое лицо и сдвинул на затылок картуз.

– Тю! Иван Иванович, не с той ноги встал иль кошка дорогу перебежала?

Иван Иванович промолчал.

– Слушай, Иван Иванович! – Митька забежал вперёд. – а ить девка-то: кровь с молоком. И не хохотушка какая-нибудь, а серьёзная. Я вон вчерась более часа прокрутился подле и без толку!

Иван Иванович глянул на Митьку исподлобья.

– К чему эт ты?

– А к тому: хватит тебе вдовствовать, пора бы и хозяйку в дом привести. А што? Мужик ты в полном соку. Дом у тебя – полная чаша, а вот хозяйки нету – и как баня без печи.

Митька сказал то, что сам Иван Иванович ещё не понимал. А потому и не мог сам себе объяснить – для чего сегодня припёрся к телеге казаков, для чего выведывал из какой станицы и чьи они. Душа-то, наверное, знала, а вот умом-то ещё не понимал. А вот сказал Митька, и всё стало ясно. Но ведь не признаваться же в этом Митьке. Он, шельмец, еще на смех поднимет. Но Митьке и не надо было никаких признаний, он всё прочитал на лице и в глазах Ивана Ивановича.

– А што, Иван Иванович? Сватовство я тебе слажу по самому первому сорту! Уж ты меня знаешь, я ить любой товар выторгую, ежели надо!

– Да уж тебя-то кто в Бийске не знает, – Иван Иванович усмехнулся в усы, и решил, что скрывать от Митьки то, что ему очень приглянулась казачка бесполезно. – Только брать товар, не пощупав, да на зуб не попробовавши, мне не с руки.

Митька оторопел.

– Не понял я, Иван Иванович? Эт как ты иё хочешь пощупать, да ещё и на зуб взять?

– Ну... Не эдак, конечно, как это делаешь ты, а... Да подь ты к чомору! Выкладывай, с чем пришёл!

Но Митька не из тех людей, от кого легко отмахнуться. Если ему что в голову взбрело, то он ужом извернётся, а своего достанет. Так же и сейчас. До самого полудня путался Митька у Ивана Ивановича под ногами, лез под руку, рисовал картины женитьбы, лил медовые слова о невесте, и уговорил таки пойти узнать, если уж не имя казачки, то хотя бы фамилию, чтоб знать, к кому свататься ехать.

Пошли.

На их счастье, казачка была у телеги и одна! У Ивана Ивановича, как у молоденького при первом свидании, – сердце трепыхнулось. Митька ширнул его локтём в бок и озорно подмигнул.

А у Ивана Ивановича трусливая мыслишка в голове мелькнула: «Зря я Митьку послушал! Щас как утрёт она нам сопли, до конца дней посмешищем буду в городе».

И он сбавил ход. Но не тут-то было – Митька сгрёб его под руку и к телеге.

– Добрый денёк тебе, чернобровая!

– Здравствуйте! – так же бойко ответила казачка, и, скользнув взглядом по лицам подошедших, отвернулась.

– Ну вот, – игриво обиделся Митька, – мы к ей со всем нашим почтением, а она даже и смотреть не хочет на нас.

– А что мне на вас смотреть? Вы, чай, не товар какой.

– Как знать, пригожая, как знать! – и расправив по поясу рубаху, Митька выпятил грудь.

Иван Иванович подумал, что Митька уже повёл сватовство, и его в жар бросило. Он дёрнул Митьку за подол рубахи и зашипел:

– Подь ты... зубоскал, нишкни...

Но где там, Митька уже «запряг» любимого конька.

– Прошлый-то день мы с тобой так и не поворковали, уж больно строгий у тебя отец-то, прям коршуном на меня бросился.

– А у нас все строгие, – улынулась казачка, – не только тятя. Вот братья подойдут, они тебе козырёк-то от картуза оторвут.

– Эт за што? – захорохорился Митька.

– А чтоб не приставал к девкам попусту.

Разговаривая, Митька заходил к казачке то с одной стороны, то с другой.

– А мы люди серьёзные, – он подмигнул Иван Ивановичу, – и попусту никогда и ни с кем лясы не точим.

Иван Иванович стоял как на углях, и за то, что подался Митькиным уговорам, клял себя на чём свет стоит. А Митька кружил около казачки, как лиса вокруг курятника. Но и Ивана Ивановича не упускал из виду, догадывался, что тот в любой момент может сорваться: или уйдёт, или как-нибудь ещё дело спортит.

– Ты нам, чернобровая, скажи: чья ты будешь и как звать тебя?

– А для чего вам знать про то?

И казачка вновь скользнула взглядом по лицам мужчин.

Иван Иванович замер: назовётся или нет? И тут, как леший из под коряги, мужичонка откуда-то вывернулся. Сапоги захотел посмотреть. Иван Иванович от досады аж зубами скрежетнул, и подумал: «Что за напасть эдакая, а! Не чирей, дак понос!».

И ведь мало того, что мужичонка появился в неурочный момент, так он, заноза, эти треклятые сапоги четверть часа крутил в руках. И так их осмотрит, и эдак, и вовнутрь рукой залезет, и подошву ногтём подёргает. Только что на зуб не взял. Ровно как нарочно, паршивец, время тянет. Не выдержал и Митька.

– Ты, мил человек, ежели брать так бери, – подстегнул он мужичонку, – а попусту чево товар жулькать!

Мужичок даже взглядом его не удостоил. Но с покупкой определился, взял.

– Вы мне так покупателей всех отвадите, – строго глянула на Митьку казачка.

– А ты назовись нам, и мы уйдём, не будем мешать, – снова как искуситель завертелся Митька.

– А для чего вам то надо?

Митька сочинял на ходу.

– Будем проезжать мимо вашей станицы, чтоб знать к кому в гости заезжать.

– Тятя наш незваных гостей не жалует.

– А сватов?

Ивану Ивановичу захотелось закрыть глаза и сквозь землю провалиться, или сигануть опрометью, куда глаза глядят. Душа затрепыхалась, едва с телом не расстаеться.

– Каких? – улыбнулась казачка, и внимательно посмотрела на Ивана Ивановича.

Тот почувствовал, как запылало его лицо.

– Самых достойных! – пафосно сказал Митька.

– А кого сватать-то? – в голосе казачки зазвучали озорные нотки.

Но Иван Иванович их не расслышал. Он уставился на ось колеса телеги и как окаменел.

– А хотя бы тебя! У нас аккурат для такого камушка оправа имеется. Так сказать – припасена. Наивысшей пробы!

– Ой ли, ой ли! – игриво всплеснула руками казачка.

– Уж будьте покойны, – серьёзным тоном заверил Митька.

– Позвольте хоть глазком глянуть, чтобы спать спокойно.

– В свой час. Ну, так назовёшься?

Казачка вскинула бровь.

– Ну, что ж, коль не балуешь, слушай и запоминай: Мишунова я, Наталья.

По дороге домой Ивану Ивановичу пришлось поддаться ещё одному уговору Митьки – назначить день сватовства. Не по душе ему была такая спешка, хотелось обдумать всё,

звезсит. Надеялся, что получится через кого-нибудь разузнать о казаке и его дочери: что они за люди, чем и как живут? Всё-таки жену берёшь, а не ухват или метёлку. Но Митька, змей подколодный, прицепился, как репей – давай, давай! Мол, пока ты умом раскидываешь, девку-то и уведут. И уболтал таки. Сговорились ехать сразу после окончания ярмарки, в первую субботу. А чтоб до поры до времени никто и ничего в городе не прознал, ехать решили вдвоём. А вечером, когда Иван Иванович пришёл в себя от дневной кутерьмы – ужас обья! Ведь суббота-то через четыре дня! Засвербела мыслишка пойти на попятную, отложить, перенести день сватовства. Но и страх Митька в душе посеял: а вдруг да впрямь казачку кто-нибудь раньше высватает? Запросто. Девка-то она вон кака баска. Хоть водичку с лица пей.

Порой на Ивана Ивановича накатывало, и он не мог понять: сон это или явь? Ущипнёт себя – больно, значит, явь. А как представит казачку Наташу хозяйкой в своём доме – ноги от земли отрываются, голова кругом идёт. И так приятно холонёт в груди, душе тесно становится, и петь, петь хочется! Понял Иван Иванович это – любовь.

В станицу Антоньевскую въехали сразу после обедней. Дом казака Мишунова стоял за центром от въезда, а потому проехать пришлось почти на виду у всех станичников, которые рассматривали приезжих, не стесняясь. Ивана Ивановича наглое любопытство станичников злило. «Какого чомора буркалы-то плят, лучше б делами занимались!» – негодовал он.

Перед усадьбой будущего тестя Иван Ивановича разобрала робость. Особенно когда он увидел, как при их подъезде две девки шмыгнули в дом, а трое дюжих мужиков, степенно отложив дела, стали смотреть в сторону неожиданных гостей.

На усадьбе стояли два дома: один с прирубом, другой – пятистенок. Пятистенок, видно, ставили лет около пяти назад.

«Сына отделил» – догадался Иван Иванович.

Усадьба ему понравилась: двор чистый, ухоженный. Все постройки поставлены хотя и не с размахом, но капитально, с душой и по-хозяйски. Чувствовалось, что хозяева трудолюбивые, крепкие в деле.

Митька выпрыгнул из пролётки едва ли не на ходу. А вот у Иван Ивановича ноги как одеревенели.

Митька зашипел:

– Ну, что сидишь? Вылазь, пошли...

Во дворе загромычала цепь, забухал пёс.

Казаки встретили гостей настороженно, но приветливо. А когда поняли, с каким делом к ним пожаловали, то лица их просветлели и гостям предложили пройти в дом.

Митька: к немалому удивлению Ивана Ивановича, сватовство повёл искусно: с при- сказками да прибаутками. Легко, вроде как только этим делом и занимался всю жизнь. Сам же Иван Иванович чувствовал себя крайне неловко – сидел на табуретке, как на углях. На хозяев даже глянуть не смел. И если казак что-то у него спрашивал, то Митька ответом опережал. По окончании обрядовых условностей глава семьи как бы подвёл черту:

– Что ж, всё ладом, всё по-хорошему. Видим мы, что за товаром нашим серьёзный человек прибыл...

– А то, – самодовольно вставил Митька.

– Приятно и почтенно будет нам породниться с таким человеком, – продолжал казак. – Обретёт наш дорогой камушек дорогую оправу. И покойны мы будем, зная, что кровинка наша в хороших руках, в уважаемом доме... А, простите, почтенные, памятью я слаб стал, вы которую из моих дочерей сватаете-то?

Переглянулись Иван Иванович с Митькой. Не знали они, что у казака две дочери, а потому и не назвали имени избранницы. Думали, и так ясно, кого они высватывают.

– Наталью, – Митька с трудом скрыл растерянность.

Казак чуть заметно улыбнулся в пышные усы и коротко глянул на сыновей.

– Мг... мг... – покивал головой казак, – славно, славно. Наталья у нас истинный бриллиант: не только собой пригожа, но и на руки большая мастерица. По хозяйству ей равной трудно сыскать во всей станице...

Рукобитие упрочили бутылкой анисовой со стороны Ивана Ивановича и штофом домашней наливки из шкафа казака. Разговор оживился, потёк непринуждённо. Понравились Иван Ивановичу и взаимоотношения в семье казака: ни жена, ни сыновья, ни тем более снохи и слова без разрешения хозяина не скажут. А сыновья у казака – загляденье: рослые, в плечах косая сажень. Славные отцу помощники. И жёны у них пригожие и расторопные. Свёкор или свекрова только глянут, бровью поведут, они тут же схватывают, что требуется сделать. Сильно по душе такой порядок Иван Ивановичу. Значит, и дочка у них в таком же духе воспитана. Это хорошо. Покорная, смышлёная и расторопная хозяйка в доме – елей на душу хозяину.

Второй штоф наливки Иван Иванович с казаком, теперь уже, можно сказать, тестем, распивали в обнимку. И почти после каждой стопки, в знак уважения, целовались. Выпивая, закусывая и ведя разговор, Иван Иванович нет-нет да и поглядывал на дверь горницы, ждал, не покажется ли оттуда его суженая. А та всё не показывалась. Наконец жених не выдержал и спросил:

– А что, Андрей Михеевич, может нам Наталью-то Андреевну к столу тоже пригласить? Казак на мгновение задумался.

– Не можно такое у нас. Не заведено. Не в нашем обычае... Вот когда увезёшь в свой дом, там она и будет жить по твоим порядкам. А покуда по-нашему, – немного подумал и добавил: – А вот посмотреть за столом, то можно, – и глянув на жену, легонько кивнул в сторону горницы.

Жена тут же скользнула в горницу, только занавеска колыхнулась. Иван Иванович с трепетом замер в ожидании появления возлюбленной. Не прошло и минуты, как занавеска отодвинулась и перед гостями, слегка подталкиваемая матерью, предстала высокая, широкоплечая, слегка сутулая девица. Крупным у неё было всё: руки, голова, нос, губы. И если бы не крупная грудь и толстая смоляная коса, да сарафан, то её можно было принять за третьего брата.

– Вот! – с гордостью произнёс казак, – наша краса, Наталья Андреевна. Бриллиант наш! Как от сердца отрываю для тебя Иван Иванович, – и обратился к дочери: – Поддай-ка нам, Натальюшка, ещё наливочки, да закусить горячего.

Иван Иванович поначалу и не понял, что происходит. Думал, ослышался. И ждал, когда из-за этой громалы покажется его чернобровая избранница. Потом до него стала доходить суть происходящего, и он посмотрел на Митьку. У того вид был как у шедшего в баню, а попавшего на Думское собрание.

– Ну, зятёк, – ширнул в бок казак Иван Ивановича, – давай, махнём по маленькой перед горячим. Да обскажу я тебе, что припасено за Натальюшкой. Оно, конечно, можа по твоим меркам и не ахти какое, всё-таки не с пустой торбой выдаём.

– А-а... это... Наталья-то Андреевна, – залепетал Иван Иванович, – у вас старшая иль младшая?

– Старшая. Младая, она же и последняя – Катерина. Теперь мы и её можем выдать. У ей-то жених давно ходит, да порядок у нас такой: пока старшую не выдали, младшой ходу нету.

– А она-то где у вас?

– Дома, где ж ей быть-то, – и позвал: – Катюшка!

Из горницы в тот же миг, как будто ждала у двери, вышла казачка, которая представилась на ярмарке Натальей.

– Поди, – сказал ей казак, – подсоби Наталье.

Казачка скользнув лукавым взглядом по вконец растерянными лицам гостей, юркнула в куть. И только тут до Иван Ивановича дошло, что разыграла его озорная казачка, назвавшись именем старшей сестры. От такой догадки Ивана Ивановича как веслом по теменишибанули.

Первой мыслью его было закричать, что сватать он приехал не Наталью, а Катерину, что разыграли его, ввели в заблуждение. Но в подсознании как будто кто-то шепнул: оскорбишь казаков, наломают они тебе бока.

«Бежать надо скорей отседова» – застучало тогда в голове купца и он глянул на Митьку.

Тот, видимо, думал то же самое. И выражение лица у него было похлещи кузнецовского.

Казачки проворно и незаметно убрали со стола пустые чашки и штофы, и выставили горячие блюда. Иван Иванович на казачек старался не смотреть, но боковым зрением замечал, что Катерина поглядывает на него озорно и выжидательно, а Наталья с обожанием и лаской. У Иван Ивановича, глядя на её руки, в которых стопка казалась напёрстком, по спине аж мурашки пробегали. И жуть как хотелось отдубасить Митьку. Ведь всё это: знакомство, сватовство и этот казус, произошло с его, пройдохи, подачи. И даже мелькнула мысль, что он, выжига, специально высватал за него орясину, чтоб самому взять Катерину.

«Ну, да, ничего, – думал Иван Иванович, – вернёмся в город, я тебе, шильник мокрогубый, устрою и знакомство, и смотрины и сватовство... надолго ты у меня запомнишь этот день... Да и я, однако, тоже не скоро позабуду... О-хо-хо... Помогите, Господи, только ноги унести...».

Дальнейшее застолье для Ивана Ивановича потеряло всякий смысл и, более того, стало в тягость. Он стал рассеянным, беседу перестал поддерживать, на вопросы будуще-

го тестя отвечал односложно, иногда невпопад. Желание побыстрее покинуть дом казака разъедало его с каждой минутой всё сильнее и сильнее. И когда оно скрутило душу до невыносимости, Иван Иванович стал откланиваться.

– Да что ты, Иван Иванович? – искренне удивился казак. – Куда торопишься на ночь глядя? Да и не отдохнувши толком. Засветло всё одно до города не доберёшься. Сделай уважение, заночуй. А по зорьке отъедешь.

Иван Иванович путано стал ссылаться на срочные дела, несуществующие договора. И Митька, молодец, горячо поддержал его. Мол, рады бы остаться хоть на ночь, хоть на две, но дела обязывают отбыть.

До ворот гостей провожали всей семейством. Наталья широко улыбалась и, ласково глядя на Ивана Ивановича, всё старалась оказаться к нему поближе. Иван Ивановича от таких намерений невесты даже пот прошиб.

Со сватами обнялись, почеломкались. С братьями невесты обошлись рукопожатием. Иван Иванович отметил, что руки у братьев, как кузнечные клещи – большие, хваткие. И подумал, что если сейчас развернуть сватовство, то эти ручищи непременно прогуляются по его бокам. Он поёжился и быстро уселся в пролётку.

Едва выехали за околицу станицы, как Митька тут же пустил рысака в галоп, а Иван Иванович мотыльнулся в пролётке и со всего плеча прилобонил его кулаком по спине. Митька кхынул от удара, но не обернулся.

– Ну, сват хренов, живи пока... до Бийска... – скрежетнул зубами Иван Иванович.